

Служба безопасности оказалась в затруднительном положении: жильцы, казалось, были излишне возбуждены, а количество зевак, собравшихся поглазеть, всё росло. Сработал эффект стадного поведения, и охране пришлось впустить людей в будку, хотя, конечно, все туда не поместились. Некоторые стояли снаружи, заглядывая в окно. Ван Чжи пробился вперёд, заняв позицию у самого стекла, — он жаждал увидеть того, кто осмелился перейти ему дорогу!

Не во всех уголках жилого комплекса были установлены камеры — оборудование дорогое, а этот район не относился к числу элитных, поэтому инфраструктура была не на высоте. Запись за прошлую ночь велась только на въезде, поскольку остальную территорию ограждали высокие заборы с битым стеклом наверху, через которые даже взрослому человеку было бы нелегко перебраться. Охранник развернул монитор, чтобы все могли видеть, и включил ускоренную перематку, останавливаясь, когда в кадре мелькала фигура... Все внимательно следили за экраном, но к утру так и не обнаружили ни одного незнакомца.

Воцарилась тишина.

— Что это значит? — Малый Чэнь почесал затылок, заметив, как побледнел брат Ван, и неуверенно спросил у охранников. — Вчера вечером никто не заходил?

— Точно никто, мы всю ночь на посту! — ответил тот самый старший охранник, что просил их подождать. — Все добросовестно дежурили, не то что некоторые, кто болтает о безответственности.

Его язвительный тон заставил жену Ван Чжи покраснеть. Она замялась, не решаясь ничего сказать, ведь на записи действительно не было ничего подозрительного.

— Тогда что это было у меня под окном?! — Ван Чжи топнул ногой, его взгляд со злобой скользнул по присутствующим. Если не чужак, значит, свой, предатель.

Многие пришли просто поглазеть и заодно поинтересоваться безопасностью в районе. Теперь, когда выяснилось, что злоумышленников поблизости нет, им не понравилось, что Ван Чжи продолжает их подозревать. Один из мужчин с недобрым выражением лица тут же высказался:

— На нас-то чего уставился? Что за взгляд?

Ван Чжи фыркнул:

— Что, совесть заела?

Теперь он видел врага в каждом, полагая, что кто-то завидует его благополучной жизни и ищет повод насолить. Такие люди вызывали у него отвращение, и он был полон решимости вывести их на чистую воду.

— Какая у меня может быть совесть? — Человек усмехнулся. — Все собрались, чтобы помочь, а ты вдруг всех в подозреваемые записал?

— Да, брат Ван, нехорошо получается. Как можно соседей подозревать?

— И кому вообще нужно тебя пугать?

— А ведь и правда странно. Если никого не было, может, это... что-то нечистое?

— Никого не было... Неужто призрак?!

Эти слова повисли в воздухе, и тишина стала ещё гнетущей. Холодный зимний ветер выл, словно причитающий дух. Даже те, кто не верил в сверхъестественное, задумались. Кровавые надписи не могли возникнуть из ниоткуда, и чем больше они размышляли, тем жутче становилось.

Мо Сюй оставил трёх крупных бродячих собак на месте и, зажав в зубах заранее подготовленные «инструменты», низко пригнувшись, рванул через кусты, минуя газоны и дорожки. Он быстро достиг здания 4 в районе А, оглянулся на шумящих жильцов и, ловко юркнув в подъезд, едва заметно усмехнулся. Всего-то и дел — проскочить в собачью дверцу.

Люди продолжали строить догадки, и даже обычно энергичный Малый Чэнь плотнее закутался в пальто. Он взглянул на брата Вана, тот казался совершенно растерянным. Малый Чэнь хотел его утешить, но не нашёл слов — история была бестолковой. Кто знает, появится ли третий восклицательный знак?

— Ладно, хватит, — охранник обратился к Ван Чжи. — Господин Ван, только вы сами знаете, что натворили. Мы усилим патрулирование, будем обходить здания по ночам, чтобы такого больше не повторилось. И вы уж постарайтесь не создавать лишних проблем... Может, это вы сами эти буквы кровью намалевали, чтобы пошутить?

Он произнёс это с полуулыбкой, веля всем расходиться, а то прохожие подумают, будто в районе убийство случилось, — все лица такие перепуганные.

Ван Чжи сглотнул, схватил свою бледную, как полотно, жену и, хрипло рявкнув «Отвалите, чушь несёте!», пробился сквозь толпу и бросился домой, словно его подожгли.

В головах у людей закрепились слова «разоблачён» и «озлоблен». Все переглядывались, задаваясь вопросом, не скрывает ли Ван Чжи нечто действительно постыдное.

— А-а-а!

Женский визг заставил всех, уже начавших расходиться, замереть. Это был голос жены Ван Чжи. Люди в недоумении повернулись к зданию 4 в районе А. Что теперь? Может, поймали с поличным?

Ван Чжи стоял у своей двери, нащупал в кармане пачку сигарет, вытащил одну и зажал в зубах, чтобы успокоиться. Но руки дрожали, и он несколько раз безуспешно чиркал зажигалкой. Малый Чэнь, живший ближе всех, видя, как Ван Чжи с женой поднялись наверх, последовал за ними — если кто-то хулиганит, надо подумать и о безопасности своей семьи. Однако, подойдя к двери соседа, он остолбенел.

— Что случилось? — многие подошли сзади, рассуждая, что вместе они справятся с любым воров. Жители маленького городка были в основном простыми людьми, жившими по принципу «живи и давай жить другим». Но уже через мгновение и они замерли, ошеломлённые. Дверь Ван Чжи была облеплена листами бумаги, и на полу тоже лежали аккуратно вырезанные квадраты. На них были отпечатки лап — неясно, кошачьих или собачьих, а на обороте красовались шесть иероглифов: «Если взяли — пожалуйста, берегите». Что всё это значит?

— Погодите-ка, — сказала женщина с верхнего этажа. — Я помню, на той акции по устройству в маленьком парке раздавали похожие листовки. И те маленькие записки, которые давали тем, кто забирал котят или щенков, были очень похожи.

Она тоже была там, но не успела взять никого — народу было много, а малыши были такими

милыми, да ещё и бесплатными, поэтому разлетелись мгновенно.

— Да, и я что-то припоминаю, — кивнул мужчина. — В тот день был занят, не смог зайти в парк. Говорят, акция прошла успешно.

Поскольку листовки раздавали массово, многие жильцы вспомнили об этом событии. И хотя размер отпечатков лап казался немного другим, этот корявый почерк запомнился всем.

— Но зачем раздавать так много, да ещё с такой надписью? Что это значит? — Женщина задумалась, перебирая в памяти лица с той акции, и вдруг обратилась к Ван Чжи:

— Брат Ван, я помню, твоя жена тогда забрала одного молочного щенка.

— Может, организаторы передумали и хотят собаку обратно? — предположил кто-то.

— Сомневаюсь, многие забрали щенков, но никто не жаловался на подобное.

— Тогда как это объяснить?

— Брат Ван, а где та собака? — спросила женщина.

Губы Ван Чжи задрожали, он не сразу нашёлся, что ответить.

Малый Чэнь же выпалил напрямик:

— Какая собака? Брат Ван её уже съел, кости выбросил. Теперь даже если захотят её назад — не из чего.

Он рассуждал просто: раз отдали, значит, назад не заберут, пытаюсь таким образом оправдать брата Вана.

Но едва он закончил, как женщина вскрикнула от недоверия:

— Ты съел собаку?!

— Это же был щенок... Как ты мог?

— Говорят, он только-только от матери отлучён.

— Разве не каждый, кто забирал щенка, видел эту записку перед уходом?

— Ван Чжи, это нечестно!

— Если не хотел заботиться — не бери. Может, кто-то другой бы взял. Забрать и съесть — это что за дикость?!

[Авторские примечания отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16331/1474272>